

ЧИТАЙТЕ В СЕРИЯХ
«ГОРЯЧИЙ ШОКОЛАД.
РОССИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»
И «ГОРЯЧИЙ ШОКОЛАД.
ЗАРУБЕЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»:

«И вот настало Рождество»
Эмма Хэзерингтон

«Месть женщины среднего возраста»
«Бонжур, Софи»
Элизабет Бушан

«Мелкий жемчуг»
Нелли Воскобойник

ELIZABETH BUCHAN

BONJOUR,
SOPHIE

ЭЛИЗАБЕТ БУШАН

БОНЖУР,
СОФИ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 94

Elizabeth Buchan
BONJOUR, SOPHIE

Перевод с английского Ирины Тогоевой

Дизайн обложки Валерии Колышевой

Бушан, Элизабет

Б 94 Бонжур, Софи : роман / Элизабет Бушан ; [пер. с англ. И. Тогоевой]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Горячий шоколад. Зарубежная коллекция).

ISBN 978-5-389-26728-2

На дворе 1959 год, и у восемнадцатилетней Софи только начинается взрослая жизнь. Унылое существование в прибрежной английской деревушке со строгими приемными родителями сводит ее с ума. Софи понимает, что если хочет жить по-настоящему, то должна взять дело в свои руки. «Великое предприятие» — так она называет свою будущую прекрасную жизнь.

Софи мечтает уехать в Париж, в город, где ее мама познакомилась с отцом и откуда сбежала еще до рождения дочери.

Чтобы попасть туда, потребуются сила духа и изобретательность, но зато она сможет больше узнать о своей семье и, возможно, обрести счастье. Ради этого стоит рискнуть.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26728-2

© Elizabeth Buchan, 2024
© Тогоева И., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
АЗБУКА®

Пролог

Умирая, Камилла сказала своей семилетней дочери:

— Мы были вынуждены сражаться, но мне никогда и в голову не приходило, что я стану получать от этого удовольствие. Мы с твоим отцом воевали вместе. Он был настоящим героем. Когда-нибудь ты поедешь в Париж и выяснишь, как он погиб. — Она немного помолчала. — Это ведь так важно — защищать свою родину. Для меня во всяком случае это было очень важно. Я верила в необходимость этого. А ведь верили далеко не все. Но в борьбе с врагом было для меня и еще кое-что весьма существенное. Может быть, важнее даже самой борьбы. — Софи крепко стиснула руку матери. — Я тогда впервые почувствовала себя совершенно свободной. *Свободной женщиной.* Я была вольна поступать как угодно и могла даже жизнью своей рискнуть ради родной страны, если этого захочу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В те годы Софи немало времени проводила в школьной библиотеке: она с тоской глядела, как за окном бесконечный дождь хлещет по ветвям деревьев и серебрит подъездную дорожку, а потом начинала в очередной раз подсчитывать, сколько триместров осталось до окончания школы.

— Ну разве это жизнь? — шепотом вопрошала она и нарочно прижимала растопыренную пятерню к оконному стеклу, чтобы оставить на нем грязноватые отпечатки. — Только где мне ее искать, настоящую жизнь?

Настоящая жизнь! Она казалась Софи неким *Великим Предприятием* — так она и решила свою будущую жизнь называть. Но понятия не имела, с чего ее начать. И не с кем было посоветоваться. Или, точнее, не было никого, с кем ей *хотелось бы* посоветоваться.

Читая книги (а многие из них совершенно сбивали ее с толку), она поняла, что жизнь почти всегда таит некую загадку, и вообще, это штука довольно сложная, а также зачастую невероятно жестокая и несправедливая, особенно по отношению к существам женского пола.

Годы в закрытой школе-интернате «Дигбиз» были, казалось, окутаны неизбывным ледящим холодом, вызывавшим постоянный озноб. Холод пробирал тела и души воспитанниц; с дьявольским весельем насквозь пронизывал тесные лифы платьев и убогие темно-синие панталоны; но особенно от него страдали обмороженные пальцы на руках и ногах.

Это были годы строжайшего режима, основанного на убежденности в изначальном девичьем слабоволии. «Соблазнить этих девиц ничего не стоит». — На сей счет воспитатели и учителя школы имели единое и абсолютно четкое мнение.

Софи была исполнена скептицизма.

Почему, хотелось бы знать, считается, что идти по улице в пальто нараспашку — значит притягивать такую судьбу, которая хуже смерти? Почему романы Лоуренса непременно растлевают читателей?¹

Это были годы бесконечных повторений одного и того же — в каждом предложении *обязательно* должны быть подлежащее и сказуемое, а придаточные предложения следует *непременно* согласовывать с главным...

Софи вовсе не собиралась всем этим правилам подчиняться. Слова предназначены для игры, для забавы, для жонглирования. Мир слов был для нее почти равен свободе.

Это были годы жесточайшего школьного распорядка, отрицавшего, что жизнь есть дар. А потому Софи смертельно боялась поверить в правоту царивших в «Дигбиз» законов.

Софи также готова была утверждать (если бы Хетти, ее дорогая подруга Хетти Найт, не убедила ее в глупости подоб-

¹ Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930) — английский писатель, самым известным (отчасти благодаря скандальной репутации) является его роман «Любовник леди Чаттерли» (1928), по которому в 1955 г. был снят фильм французским режиссером Марком Аллегре. — (Здесь и далее прим. пер.).

ных заявлений), что большинство воспитанниц школы «Дигбиз» вступают во взрослую жизнь, так и не сняв, фигурально выражаясь, свою ужасную школьную шляпку. Ту шляпку, которая будто намертво приварена у них к голове, благодаря чему их мозги так и остаются чистыми и нетронутыми — точно такими же, как в тот день, когда они впервые переступили порог школы.

«Ну все-таки *кое-чему* мы там научились, — возражала Хетти. — Будь честной».

И вот взошла заря их последнего дня в «Дигбиз». *A bas*¹ преподавателей! *A bas* школьные игры! (Особенно лакросс, гимнастику и кроссы по пересеченной местности!) Софи даже в этот день предпочла спрятаться в библиотеке, где ее и настигла ее вечная врагиня, мисс Чемберз, директриса, помешанная на Гражданской войне в Америке. Настигла и загнала в угол.

Сухоощаая, в неизбывном платье из темно-зеленого крепа, которое она извлекала из недр своего гардероба всякий раз, когда встречалась с родителями учениц. На шее, как всегда, болтались очки на цепочке.

— Я хочу кое-что сказать тебе на прощанье, Софи Морель. Ты — девочка угрюмая. *Очень* угрюмая. И мне давно хотелось тебе посоветовать: не стоит быть такой угрюмой. Это совсем не интересно, а как раз наоборот — скучно и утомительно. — Она поправила завиток волос у себя на затылке. — И не нужно так на меня смотреть, Софи. Я давно за тобой наблюдаю, и мне захотелось убедиться, что ты понимаешь, в чем твой долг.

— И в чем же он, мисс Чемберз?

¹ Долой (*фр*).

— В усердном труде на благо прихода твоего приемного отца. Преподобный Нокс очень рассчитывает на твою помощь.

Софи чуть не задохнулась от злости, и мисс Чемберз это заметила.

— Потворствовать своим желаниям — это грех, Софи.

А как же потребность побыть порой в одиночестве? И разобраться в тревожных мыслях о будущем? Как быть с той всепоглощающей печалью, которая иногда так некстати ее охватывает? Все это комом свернуто у нее в душе, завязано неким ненадежным узлом. Неужели и это называется «потворством собственным желаниям»?

— Жизнь в служении... — мисс Чемберз свернула на излюбленную тему, — это самое лучшее, чего мы можем желать. — Она вскинула руки в выразительном жесте, демонстрируя заплатки на локтях поношенного крепового платья. — Такой дар достается не каждому. — Свет фанатизма горел в ее глазах так ярко, что они казались Софи похожими на зажженные автомобильные фары. — Наше поколение это понимало и принимало. И вы тоже должны понять и принять.

Фонды библиотеки «Дигбиз» никак нельзя было назвать всеобъемлющими. Однако они были вполне достаточными (тут Хетти была права), чтобы Софи, прочитав немало книг, сумела понять, что в постижении любой вещи или явления существует несколько уровней. Что красота — понятие относительное. Что человечеству грозит множество опасностей.

— Возможно, — буркнула она.

— Не «возможно», а должны, — стояла на своем мисс Чемберз.

Симпатия... ну, совсем крохотный ее проблеск... к этой женщине, которая была существенно старше Софи, все же пробилась сквозь активную неприязнь. В жизни мисс Чемберз имела место настоящая трагедия. Ее жених ушел на вой-

ну и не вернулся, а она так и осталась в статистической группе «вечных невест». Сердце мисс Чемберз было разбито. Ситуация драматическая. Она ведь действительно потеряла возлюбленного. Однако каждый год очередная группа новеньких учениц заново наслаждалась этой историей, по-своему ее приукрашивая, веселясь или плача (фальшивыми слезами), рассказывая, как мисс Чемберз ищет останки своего жениха на итальянских полях сражений. «Очевидно, — говорила Хетти, — ей просто пришлось найти некий способ, чтобы сделать свою жизнь хоть сколько-нибудь сносной и осмысленной. И все же, по-моему, есть предел тому, сколько раз подряд можно прочесть Речь в Геттисберге¹».

Сама Хетти придерживалась веры в то, что статус замужней женщины — это альфа и омега жизни.

Софи этой точки зрения не разделяла. Ее взгляды на супружескую жизнь сформировались при вполне определенных обстоятельствах, основой которых служили отношения между ее приемными родителями, Ноксами.

— Разве муж и жена, — спрашивала она у Хетти, — всегда должны спать в противоположных концах дома? Как Осберт и Элис?

Насчет «всегда» Хетти уверена не была и могла предложить лишь пример из собственной жизни: у ее отца, имевшего некие особые привычки, всегда была не только отдельная спальня, но и отдельная ванная комната. Но разве это могло хоть что-то прояснить?

¹ Речь, произнесенная 19 ноября 1863 г. президентом А. Линкольном по случаю открытия Национального кладбища в Геттисберге, Пенсильвания, где имело место одно из самых решающих сражений Американской гражданской войны.

И потом, чем ближе был момент расставания со школой, тем глубже Хетти погружалась в мечты о романтической любви (о, блаженство!) и о замужестве (с которым она связывала наличие определенного статуса, собственного дома, обеденного фарфора, слуг и т. д.).

— А все же, — говорила Хетти, — как это, должно быть, ужасно: брак без любви.

Хотя Софи казалось, что Хетти, пожалуй, уживется с любым мужем, если тот будет ласково приветствовать ее по утрам.

— Преподобный Нокс, — продолжала меж тем мисс Чемберз, — для тебя, может, и не родной отец, однако они с миссис Нокс потратили немало сил и средств, чтобы дать тебе хорошее, достойное воспитание. А теперь ты будешь работать с ними рука об руку, помогая им в приходе.

Однако Софи считала, что «достойным» воспитание, полученное ею в «Дигбиз», считать никак нельзя — во-первых, эта школа не стремилась дать своим воспитанницам академическое образование, а во-вторых, тут отчасти была виновата и сама Софи: слишком часто сердилась, слишком много печалилась и слишком любила противоречить своим наставникам, что очень мешало ей извлекать хоть какую-то пользу из скучных школьных уроков. И все же, как признавалась она в своем дневнике, она была отнюдь не глупа, а ее невнимательность не означала, что она не заполнит чем-то иным ту пустоту, которая столь часто оставалась в ее душе после занятий.

Мисс Чемберз явно начинала терять терпение, тщетно пытаясь заставить Софи слушать.

Школа «Дигбиз» была создана с самыми лучшими намерениями — дать образование девочкам из хороших семей скромного достатка. Увы, скудные средства, имевшиеся в распоряжении школы, не всегда это позволяли. В благих

намерениях воспитателей и учителей никто не сомневался, однако без должных капиталовложений намерения эти превращались в битву с противником, занимающим господствующее положение на вершине холма. Средства, отпущенные на техническое оборудование школы и зарплату персоналу, были весьма лимитированы, что отнюдь не прибавляло оптимизма сотрудникам.

— Ты же знаешь, Софи, что воспитатели и учителя делали для вас все, что в их силах, — сказала мисс Чемберз.

Сейчас или никогда.

— И все-таки в школах для девочек учат гораздо хуже, чем в школах для мальчиков, — сказала Софи. — То, чему вы нас учите, не так... глубоко и осмысленно, как то, чему учат мальчишек.

Мисс Чемберз мучительно покраснела, но несогласия не выразила, и Софи продолжала:

— Как, например, насчет преподавания биологии? Логика? *Настоящей* математики? Искусства вести дискуссию?

— Софи Морель, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

— Так ведь в том-то и дело, мисс Чемберз!

— В нашей школе вы получили куда лучшее образование, чем то, которым вынуждены довольствоваться тысячи английских детей. Неплохо бы тебе об этом помнить. — Приколотые к груди мисс Чемберз часики приподнялись и опустились в такт ее тяжкому вздоху. — Ну, нам пора. — Она высоко подняла бровь, явно ожидая реакции.

Но Софи все еще была во власти мятежных чувств.

Вообще-то мисс Чемберз ожидала от своей выпускницы всего лишь элементарной благодарности. Но шесть лет ярости и отчаяния притупили в душе Софи более тонкие и *нежные* чувства, и слов благодарности она не находила.

Она бросила последний взгляд на то окно библиотеки, возле которого она столько мечтала и строила столько планов. Но что было ее главной целью? Этого она так толком и не поняла.

Она отвернулась от окна и снова посмотрела на мисс Чемберз. Только сейчас она заметила, какой болезненный след оставили резкие неблагодарные высказывания Софи на разочарованном, бледном, лишенном даже намека на пудру лице директрисы. И в самую последнюю минуту в душе Софи восторжествовали все же не столько сожаления о сказанном, сколько хорошие манеры.

— Спасибо вам за все, мисс Чемберз, — сказала она.

Когда Софи с чемоданом в руках наконец-то появилась в дверях школы, Хетти уже ждала ее на крыльце.

— Ты что так задержалась?

Мимо них с топотом пронеслась толпа младшеклассниц, спешивших навстречу поджидавшим их родителям. А выпускницы, слегка ошеломленные вдруг подступившей к ним вплотную перспективой самостоятельной взрослой жизни, спускаться со школьного крыльца не спешили. Некоторые из них, заметила, не веря собственным глазам, Софи, даже плакали.

Хетти переоделась в то, что ее мать именвала «приличным костюмом» — юбку и жакет из светло-серой шерстяной фланели; на лацкане жакета красовался значок выпускницы школы «Дигбиз». Шейку Хетти невинно обвивала скромная нитка речного жемчуга. Привычные школьные сандалии и гольфы исчезли, вместо них появились тонкие чулки и элегантные закрытые туфли со шнуровкой.

Короче, сейчас Хетти как две капли воды была похожа на собственную мать — не считая, естественно, отсутствия «перманента» на голове.

— Ты выглядишь очень мило, — заметила Софи, приспособиваясь к новой версии старой подруги.

— Мне так жаль, что у тебя сегодня ничего нового нет! — смущенно пробормотала Хетти. — Я бы с таким удовольствием купила тебе какое-нибудь красивое платье.

В этом была вся Хетти. Щедрая, мечтающая, чтобы всем всегда было хорошо, чтобы у всех всего было много, но, увы, не имеющая для этого финансовых возможностей. Денег не было ни у нее, ни у Софи. Правда, отец Хетти, Морис Найт, человек весьма обеспеченный, обещал дочери некое содержание, как только она окончит школу, но пока что даже на карманные расходы ничего ей не выделил, так что с этой стороны Софи помощи ждать не приходилось. А у нее самой денег вообще не было. *Domtage*¹ — этому слову она научилась у Камиллы, своей матери-француженки.

— Я пришлю тебе платье. И тогда какой-нибудь богатый человек тебя заметит. Влюбится в тебя. Вы поженитесь, и он отвезет тебя в Париж.

Софи было уже восемнадцать, в сентябре должно было исполниться девятнадцать. «Осенние дети лучше всего, — говорила Камилла. — Это дети урожая». А Хетти еще и восемнадцати не исполнилось. Обе прекрасно понимали, что жизненного опыта у них, как у младенцев. Разговоры, одни только разговоры без конца насчет своих великих планов, хотя ни та ни другая понятия не имели, как воплотить эти планы в жизнь.

Софи на великодушное обещание подруги ответила как обычно:

— Вспомни, мне ведь *там* нарядная одежда вряд ли понадобится.

¹ Увы; к сожалению (*фр.*).

Шутка заключалась в том, что Софи грозилась сразу после школы уйти в монастырь и таким образом разрешить все связанные с будущим проблемы.

— Подумай о своих коленях, — сказала Хетти. — Ты же без конца будешь *там* на коленях молиться, так что они совершенно расплющатся и станут похожи на суповые тарелки.

Супруги Найт, изрядно сэкономив на образовании Хетти, теперь планировали ее участие в лондонском сезоне¹, чтобы не тратить особых средств на поиски подходящего для нее мужа.

— А вот *тебе* красивые платья как раз понадобятся. И много, — сказала Софи.

Хетти закусила губу.

— Это так несправедливо!

Софи много бы отдала, чтобы не расстраивать Хетти.

— Ты обо мне не беспокойся, — сказала она преувеличенно бодрым тоном. — Я постараюсь найти работу. Или начну писать стихи, а заодно разовью свои математические способности, глядишь, и гением стану. — Она посерьезнела. — Да не бойся ты будущего, Хет! Все будет хорошо.

— Я и не боюсь, — сказала Хетти. — Хотя нет, боюсь. Я ведь действительно просто хочу выйти замуж и родить детей. — И она с некоторой неуверенностью прибавила: — Но меня пугает сам процесс достижения этой цели.

Тема была опасная, ибо граничила с вопросом, который они старались никогда не поднимать: что такое мужчины и что они делают с женщинами в спальне? Однако их общие

¹ Светский сезон, май-июль, когда королевский двор и высший свет находятся в Лондоне; начинается с закрытого просмотра картин в Королевской академии искусств, включает посещение скачек, посещение балов и т. п. и заканчивается в начале августа королевской регатой «Каусская неделя».

знания касательно противоположного пола были столь ничтожны, что их не хватило бы даже, чтобы заполнить почтовую открытку, так что разговоры на эту тему были непродуктивными.

— Мы должны внимательно наблюдать за мужчинами, изучать их поведение, — сказала Софи. — Не могут же они так уж сильно от нас отличаться.

— Да, да, конечно, мы должны наблюдать и сравнивать свои наблюдения.

Мимо них прошла Лидди Барнес с царственно поднятой головой; по презрительному выражению ее довольно-таки пухлого лица (не менявшемуся в течение всех школьных лет) легко было догадаться, что она привыкла всеми в классе помыкать; у нее и сейчас губы были надуты. На Софи и Хетти она глянула довольно злобно и небрежно бросила: «Ну, пока-а!»

Софи отвернулась. Один раз... нет, даже два раза... она украла шоколадку из принадлежавшей Лидди коробки. У Лидди, считала она, всего в избытке, а это, как утверждают коммунисты, требует перераспределения.

В краже она тогда так никому и не призналась. Она и самой себе никогда в этом не признавалась, но только днем — а ночью некий внутренний голос настойчиво нашептывал ей: *ты украла.*

— А *ей* я ничего не скажу, — сказала вдруг Хетти.

И Софи с благодарностью подумала: как же я люблю тебя, Хетти! Я всегда буду тебя любить.

Если не считать покойной Камиллы, Хетти была единственным человеком, вызывавшим в душе Софи искренние и глубокие чувства. Должно быть, она действительно очень ее любила. Она часто ставила благополучие Хетти на первое место, да и вообще заботилась о ней куда больше, чем о себе самой.

Через несколько дней после начала самого первого их триестра в школе «Дигбиз» разразилась страшная гроза, дождь лил стеной. Две маленькие, худенькие, насквозь промокшие девчушки нашли прибежище на крыльце часовни и, прижавшись друг к другу, стали переживать ливень.

Потом, испуганно хлопая глазами, посмотрели друг на друга, и Хетти обвиняющим тоном сказала:

— И вовсе ты не мокрая, ты просто плачешь! — Мокрые волосы у нее прилипли к щекам, а зубы, еще не имевшие дел с ортодонтом, смешно выступали вперед, заходя на пухлую нижнюю губу.

— Ты тоже! — возразила Софи. Вот тогда-то они впервые и поведали друг другу свои горести. Софи тоску по матери, а Хетти тоску по дому.

— Я никому не скажу. — Софи давно поняла, как опасно признаваться в собственной слабости.

— И я никому.

Дрожащие первоклассницы, типичные представительницы школьного садка для мальков.

Софи была старше почти всех в классе — она запоздала с поступлением в школу из-за болезни матери, — но ее еще довольно долго презрительно называли «эта новенькая».

Чуть ли не с самого начала школьной жизни глаза у Хетти частенько бывали на мокром месте — несомненно из-за того, что вредная Лидди уже тогда начала ее травить, — и вот тогда, в грозу, укрывшись от дождя на церковном крыльце, девочки решили: *Мы больше никого не боимся*. Они были страшно горды этим заявлением и решительно настроены верить в столь храбро озвученную браваду. (Бравяды вообще чрезвычайно полезны.) И теперь в карих глазах Хетти, еще подернутых дымкой слез, светилось куда больше надежды и уверенности в том, что они действительно больше никого

бояться не будут. Шли годы, на зубы Хетти надели брекеты, в средней школе она без малейших усилий стала в классе префектом¹. Она очень хорошо сдала экзамены на GCE² и провела довольно спокойный год в «младшем шестом»³, но уже в качестве старшего старосты.

У Софи подобных успехов не было.

Одним из принятых в школе мучительств была практика помещать старших и младших девочек в одну спальню. Хетти с малышкой была неизменно добра, и девчонки ее любили; она всегда умела их утешить, маленьких, испуганных (точно такими же были когда-то и они с Софи), но Софи их слезы, отчаяние и тоска по дому слишком резко напоминали о том, что и ее «я» еще до конца не сформировалось.

Накануне прощания с «Дигбиз» они с Хетти упаковали чемоданы, в унисон захлопнув крышки, и взялись за руки. *Школе конец. Теперь все будет хорошо.* Софи начала было писать в дневнике: «*Моя психика...*» И остановилась. А что это такое — «психика»? Этот термин она вычитала в книге. Но, как бы то ни было, эту *психику*, по всей видимости, можно было *привести в порядок* и заставить сотрудничать. Софи задумалась. Годы застывшей рутины, полуголодного существования, обморожений, ледяной корки на внутренней стороне окон в дортуре — все эти годы, проведенные в учеб-

¹ По сути дела, это староста класса. Старший префект возглавляет всю школьную префектуру и следит за соблюдением дисциплины через классных префектов, а также представляет школу на различных мероприятиях.

² General Certificate of Education, аттестат об общем образовании.

³ Шестой класс — это последние два, иногда три класса в привилегированной частной школе (public school) и в классической школе (grammar school); делится обычно на младший шестой (lower sixth) и старший шестой (upper sixth).

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Бушан Элизабет

БОНЖУР, СОФИ

Ответственный редактор *М. Смыслова*
Литературный редактор *А. Миро*
Художественный редактор *В. Колышева*
Технический редактор *А. Синицына*
Корректор *П. Шевнина*
Верстка *В. Брызгалова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация @ Ardea-studio / shutterstock.com.

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.03.2025.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Bazhanov». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,6.
Тираж 3000 экз. Т-НСН-35725-01-Р. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака АЗБУКА
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
АЗБУКА тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+